

Глава 8

***

Утро

С первыми лучами солнца привычка организма, выработанная годами, вырвала Цзи Линьси из объятий того чудесного сна. Даже осознав, что он вот-вот проснется, молодой человек отчаянно пытался заставить себя спать дальше, навязывая разуму морок, но прекрасный господин в его объятиях всё равно растаял без следа в одно мгновение.

Цзи Линьси в ярости резко сел на постели и вlepил себе звонкую пощечину.

«Ничтожество! — мысленно выругался он. — И зачем только ты проснулся?!»

Ведь еще мгновение назад красавец-юноша сидел в его объятиях, очищая виноградину и ласково называя его «супругом», поднося сочную ягоду к самым губам. Линьси даже не успел перехватить его тонкие пальцы, чтобы прильнуть к ним в поцелуе, как видение оборвалось.

Какая досада! Какая нестерпимая досада!

Лицо его помрачнело, а взгляд стал тяжелым и пугающим.

Какой это был великолепный сон... Там он был наделен властью и богатством, и они с тем юношей души не чаяли друг в друге. Жили душа в душу, наслаждаясь каждым мгновением — о большем и мечтать нельзя было.

И почему же он проснулся?

Жизнь — штука суровая, и приходится мириться с реальностью. Линьси горестно вздохнул и поднялся. Утренний холод, который он прежде так недолюбливал, теперь казался ничем по сравнению с ледяным разочарованием, что принесло пробуждение. О том, чтобы снова уснуть, не могло быть и речи. Одевшись, он покинул комнату еще до того, как небо начало светлеть.

Слуги, заметив его столь раннее пробуждение, невольно восхитились: «Не зря говорят — истинный даос, способный изгонять нечисть, сна не знает». Видя же его скорбное лицо, они решили, что мастер изводит себя заботами о том мстительном призраке. Один из слуг поспешно подбежал к нему:

— Даос Чу, не прикажете ли подать воды для умывания?

— Подавай, — отрешенно и глухо отозвался Линьси.

Когда принесли горячую воду, он вернулся в комнату, умылся и подошел к зеркалу.

В бронзовом отражении на него смотрело весьма привлекательное лицо: высокая переносица, ясный, пронзительный взор — в облике читалась гремучая смесь благородства и скрытого лукавства, свойственного дерзкой молодости.

Разве что кожа была самую малость смугловата.

Молодой человек погладил подбородок, критически осмотрел себя с разных сторон и пришел к выводу, что если приложить усилия, то с таким лицом он вполне мог бы составить пару тому прекрасному господину.

Но сейчас на первом месте были деньги. С сожалением вздохнув, он выудил из своей бамбуковой корзины нужные снадобья и принялся за привычные манипуляции. Вскоре перед зеркалом снова стоял заурядный, хотя и не лишенный приятности молодой даос.

Покинув покои, Цзи Линьси оказался под присмотром слуги. Чтобы занять гостя до завтрака, тот вызвался провести его по поместью семьи Ван. Проходя мимо одного из дальних дворов, даос уловил тихие, едва различимые звуки плача. Если прислушаться, голосов было несколько.

— Там кто-то плачет? — небрежно поинтересовался он.

Слуга на мгновение изменился в лице, но быстро взял себя в руки:

— Там заперты служанки, совершившие проступки. Не беспокойтесь, даочжан, их подержат там дня два-три, а потом выпустят.

— Вот оно что, — кивнул Линьси.

Этому объяснению он не поверил ни на йоту, но какое ему было до этого дело? Он — искусный обманщик, а не праведник, посвятивший жизнь добрым делам.

Обходя владения семьи Ван, он не мог не признать, что их богатство и впрямь было недостижимо для простых смертных. Провожатый, не умолкая, хвастался тем, что их хозяин приходится дядей самому канцлеру. Имея такую опору в столице, во всем Юнчэне никто не смел перечить им. Даже уездный судья перед господином Ваном ходил на задних лапках, а префект всего Цзинчжоу предпочитал лишний раз не связываться.

«Вот она, истинная сила власти», — подумал Линьси с невольным восхищением.

Когда осмотр поместья закончился, хозяева уже проснулись. Лекаря вчера вызвали вовремя, и Ван Хэ, потерявший много крови, остался жив. Однако вид он имел болезненный: лицо было бледным, а к столу его и вовсе принесли в кресле.

Господин Ван распорядился подать завтрак, который своим изыском превосходил вчерашний ужин. Но у Линьси из-за сорванного сна настроение было хуже некуда, и аппетит пропал вовсе. Едва притронувшись к паре блюд, он отложил палочки.

— Даос Чу, неужели кушанья не пришились вам по вкусу? Я велю поварам всё переделать...

Линьси тяжело вздохнул:

— Думы о мстительном призраке не дают мне покоя. В горло ничего не лезет.

Когда он был не в духе, ему непременно хотелось досадить кому-нибудь другому.

— Сегодня и завтра молодому господину Ван придется отдать еще по чаше крови для массива.

Услышав это, юноша побелел от ужаса, но в этот раз не посмел даже пикнуть. Ночью его преследовали кошмары: призрак девицы с головой в руках требовал его жизни, терзая так, что он умирал и воскресал от мук снова и снова.

Теперь Ван Хэ, разумеется, раскаивался.

Но жалел он лишь о том, что вчера не послушался Даоса Чу, а не о том, что погубил невинную девушку.

После трапезы глава семьи распорядился подготовить для обряда жареных кур и поросят. Он хотел было расспросить Линьси о дальнейших действиях, но в зал поспешно вбежал слуга.

— Господин, к вам с визитом уездный судья.

Господин Ван недовольно нахмурился:

— И чего ему надобно в такой час?

— Судья говорит, что в город прибыли знатные гости из столицы. В ямэне им неуютно, и, предъявив личный знак господина канцлера, они пожелали остановиться в нашем доме на пару дней.

Хозяин дома на миг замер, обдумывая новости, а затем быстро отдал распоряжения:

— Именитые гости в нашем доме — это честь. Пошлите людей присмотреть за Павильоном Цзюньцзы. С этого момента и впредь — никому ни слова о том, что творится в нашем поместье. Если кто проболтается — смерть!

— Слушаемся, господин, — хором отозвались присутствующие, склонив головы.

Затем Ван обратился к Линьси с заискивающей улыбкой:

— Даос Чу, не в службу, а в честь: не могли бы вы эти пару дней представляться дальним родственником нашей семьи? А обряд изгнания духа мы продолжим, как только гости нас покинут. Идет?

Линьси это было только на руку.

***

У ворот поместья

Господин Ван в сопровождении домочадцев отправился встречать гостей судьи, а Линьси скромно пристроился в самом конце процессии.

«Знатные гости из столицы, да еще и связанные с этим семейством... Наверняка такие же мерзавцы», — размышлял он. Однако стоило ему увидеть вошедшего во двор прекрасного господина, как глаза его округлились, а на лице едва не проступил дикий восторг.

Сегодня небо было затянуто тучами, и сыпал мелкий снег. Плечи юноши укрывал меховой плащ, в ворс которого слегка прятался подбородок. В его облике стало чуть меньше той подавляющей величественности, что была вчера, и исчезла холодная отрешенность. Лицо, хотя и сохраняло надменность человека, привыкшего к роскоши, теперь казалось немного бледным, почти болезненным.

Замер в оцепенении не только Линьси, но и молодой господин Ван.

Где еще под этим небом можно было встретить подобную красоту?

Евнух Чэнь, искусно изображавший управляющего, с крайним усердием произнес:

— Второй молодой господин, как вам поместье Ванов? Это самый богатый дом во всем Юнчэне.

— Сносно. Можно переждать пару дней, — безучастно обронил юноша и, поднеся ладонь к губам, негромко кашлянул.

Этот болезненный вид вызвал в душе Линьси неистовое желание броситься на помощь: поддержать под локоть, заботливо выпросить о недуге и, если повезет, невзначай коснуться тонких пальцев.

Тревога его была искренней.

Впрочем, как и плотское вожделение, требовавшее немедленно прильнуть к объекту мечтаний.

— А где господин Янь?

Красивый юноша с мечом за спиной тоже кивнул:

— Хотя до столицы далеко, здесь вполне можно остановиться на время.

Евнух Чэнь с высокомерным видом обратился к уездному судье:

— Значит, поселимся здесь.

Он достал и предъявил жетон:

— Вот личный знак господина канцлера. Кто здесь господин Ван? Подойдите и посмотрите хорошенько, чтобы потом не называли нас обманщиками.

Хозяин дома почтительно принял жетон, изучил его и тут же вернул владельцу. Обернувшись к своему управляющему, он скомандовал:

— Живо подготовьте Двор Восходящего Солнца для проживания молодых господ!

Этот двор предназначался только для самых важных особ: он располагался во внутренней части поместья и всегда содержался в безупречной чистоте.

Распорядившись, господин Ван осторожно осведомился:

— До нас дошли вести, что молодые господа прибыли из столицы. Могу ли я узнать, из какой именно благородной семьи...

Евнух Чэнь гордо вскинул голову:

— Это наш второй молодой господин Шэнь, сын великого наставника.

— А это — наследник Янь.

— Им довелось слышать, что Юнчэн славится своими красотами, вот они и решили совершить прогулку. Но кто же знал, что условия здесь окажутся столь посредственными, а погода — такой студеной. Наш второй господин даже занемог, подхватив простуду.

Узнав о столь высоких чинах, Ван понял, что ближайшие дни ему придется потакать всем прихотям двух столичных вельмож. Он втайне сокрушался, но выбора не было.

— О, так это второй молодой господин и наследник Янь! Прошу вас, проходите скорее в дом. Боюсь, снег скоро повалит еще сильнее.

Слуги немедленно расступились, освобождая путь. Даже Линьси оттащили в сторону — это сделал тот самый парень, что сопровождал его за покупками. Даос стоял, низко опустив голову, и глядел на расшитые края одежд, приближавшихся к нему. Сердце в его груди забилось часто-часто, словно в него били молотом.

Величественная фигура на миг замерла прямо перед ним, а затем проследовала дальше.

<http://bllate.org/book/15344/1372718>